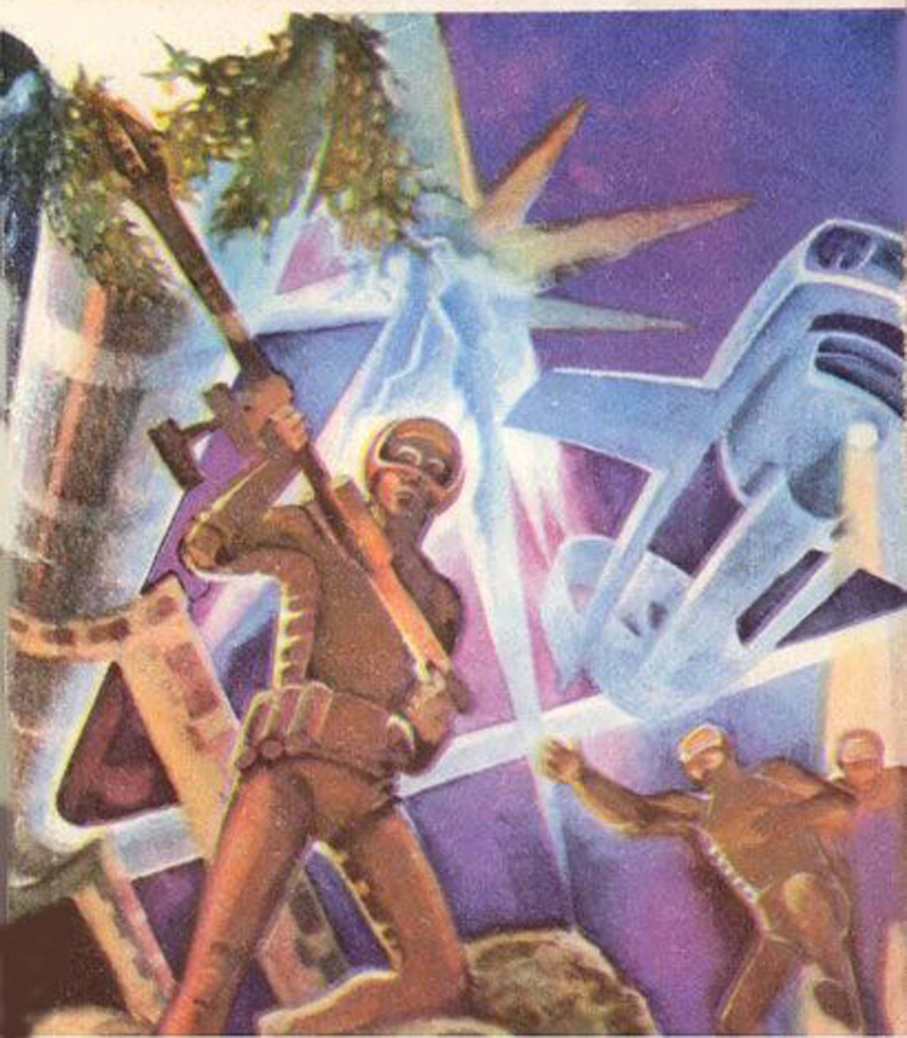

И

скателъ

6

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1982

ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ

Откройте окно, — попросил Антуан. Илья включил проницаемость окна, и в палату ворвался ветер — порывистый, насыщенный влагой и солью. За Большим коралловым рифом гремел и ярился океан. Отсюда, с двадцать восьмого этажа, риф казался белым шрамом на теле океана — месиво из пены и брызг прятало известковые гряды.

— Собрались наконец... Вся девятая группа, — прошептал Антуан. Его лицо стало спокойным. Раньше на нем проступал

тщательно скрывае́мый страх, не смерти, нет, скорей всего непонимания происходящего, а вот сейчас, с приходом друзей, отпустило.

— Все трое... — Антуан слабо улыбнулся. — Как вы вовремя, ребята! И все в форме. Значит, при исполнении...

— Четверо! — поправил его Славик. — С тобой четверо. Илья — руководитель группы Садовников¹. А от Совета миров прилетел Шевченко, ты его знаешь. Через час расширенное совещание всех специалистов... Тебя, Зевс, мы в два счета поставим на ноги...

Больной на школьное прозвище не отозвался. По-видимому, он вообще не слушал Славика — к лицу его опять подступила смертельная бледность. Руки Антуана блуждали по стерильному кокону жизнеобеспечения, пока не наткнулись на руку Ильи.

— Не надо обо мне! — вдруг быстро и жестко сказал больной. — Меня уже нет. Надо спасать людей! Сотни... не знаю, может, уже тысячи... Но это не эпидемия... Это беда! Что-то нарушило равновесие. Может, отдыхающие, может, Рай... Разберитесь, ребята. Как можно скорее... — Он задыхался от слабости. Рука его, поначалу цепкая и требовательная, вдруг истаяла, мертвым зверьком уткнулась в простыню. — Только маме, только маму... Не говорите ей. Придумайте что-нибудь. Мол, потерялся, сгинул в космосе. Чтоб оставалась надежда...

Антуан глянул на лица друзей, и ему стало жаль их. Он через силу улыбнулся и даже попытался пошутить:

— Я знаю, откуда беда, ребята. Мы не понравились Ненаглядной! Поверьте, я знаю женщин. Я все-таки француз...

Голова Антуана упала на подушку, створки кокона жизнеобеспечения сошлись над его лицом — зашелестели инжекторы.

Они вышли в коридор. И тут из белых пространств медцентра появился маленький лысый человечек — академик Янин — и, не поздоровавшись, злым напористым басом заклекотал на Ефремова:

— Где он? Почему вы бездействуете? У вас куча возможностей. Почему Антуана до сих пор не отправили на Землю?

— Перестаньте кричать, — оборвал его Павлов. — Больной не подлежит перевозкам, а телепортация убьет его. Делается все возможное. Более того — к нам прибыли лучшие специалисты со всех Обитаемых миров.

— Картина крови? — Губы академика Янина горестно сжались.

— Полное прекращение кроветворения, — ответил за Павлова Илья. — Без малого две недели. Я в прошлом тоже, кстати, врач. Все возможности — кокон жизнеобеспечения.

— Парнишка мой... — пробормотал академик. Он как бы съежился, стал еще меньше. С надеждой спросил: — Насколько я знаю, кокон может годами поддерживать?..

— Практически вечно, — сказал Павлов, глядя поверх головы Янина. — Некротированные ткани и органы постепенно умирают. Остается мозг. Вопрос в другом: захочет ли он...

¹ Сотрудники так называемой Службы Солнца, которая занимается вопросами счастья и духовной гармонии на коллективном и индивидуальном уровнях (фантаст.).

— Нас учили управлять организмом, — пояснил Илья, преодолевая спазм в горле. — Когда он поймет, когда устанет... Короче, он сам может остановить сердце.

— Но ведь кокон!.. — опять вскричал академик. — Черт возьми, кто ему позволит...

— Рядовой Садовник умеет больше, чем йог высшего посвящения, — тихо сказал Егор. — Он погасит мозг.

— Извините, друзья. — Илья шагнул к выходу на кольцевую лоджию-сад. — Через два часа совещание. Извините, мне надо побыть одному.

Память опять прокручивала кадры последних дней, а помимо них и сквозь них все проступало и проступало лицо Антуана, и сердце сжимала непроходящая боль. Откуда пришла беда? Где она? Откуда проросли корни зла, где и почему вспыхнуло черное пламя смерти? Масса вопросов и ни одного ответа.

— Повтори сообщение Совета миров, — попросил он Помощника¹.

— Ненаглядная, ведущий курорт Обитаемых миров, аналог Земли, — тихо зашелестел бесстрастный голос. — На планете находится на сегодняшний день свыше восемнадцати миллионов отдыхающих. Вспышка острой спонтанной лейкемии зарегистрирована четвертого марта. Жалобы — лихорадка, слабость. Экспресс-анализы показали, что у всех четыреста шестидесяти пациентов кровь наводнена молодыми патологичными клетками. География эпидемии...

— Это не инфекционное заболевание, — поправил его Илья.

— Термин применен к конкретному явлению, — возразил Помощник. — География эпидемии: Золотой Пояс — триста восемьдесят семь случаев заболевания, архипелаг Согласия — двадцать три, Северная Пальмира — тридцать шесть, континент Центральный — четырнадцать. Тщательные исследования воздействия ионизирующих излучений или лейкозогенных веществ не обнаружили...

«Вот оно, — с тоской подумал Илья. — Спонтанный! Значит, самопроизвольный, вызванный не внешними воздействиями, а внутренними причинами. Однако такой подход исключает эпидемию. Выходит, что внешний фактор все-таки есть. Незвестный нам, недоступный приборам...»

— ...Объявлена официальная версия, что с Вечных топей проникли комары, переносчики плазмодийной горячки (местный вид малярии). Течение обеих болезней внешне сходное... Четвертого марта, — добавил Помощник, — объявлен общепланетный карантин. Никаких ограничений в общении и отдыхе не вводилось. Запрещен лишь выезд.

— Какое сообщение курорта с Землей? — спросил Илья. — Имею в виду пассажирское. Линия Ненаглядная — Земля. Есть ли рейсовые?

— Восемь лет назад, ввиду необычной популярности курорта, построена станция нуль-пространственных переходов. Переход Ненаглядная — Земля оборудован десятью кабинами массового пользования, интервал между импульсами — двенадцать

¹ Логически-информативный блок, который входит в комплект спецодежды Садовников (фантаст.).

минут. Максимальная загрузка каждой кабины — сто пассажиров.

Илья быстро подсчитал: пять тысяч пассажиров в час. На случай срочной эвакуации за сутки можно перебросить сто—сто двадцать тысяч человек. Куда — ясно. Но вот зачем?!

Он тяжело спикировал на берег. Мимо лица промелькнули верхушки реликтовых сосен с плоскими широкими иглками, бесконечно длинные колонны стволов, бока замшелых гигантов-валунов. Сбросил форму, шорты, рубашку, пошел к океану.

От рифа незаметно подкралась высокая волна, окатила его с головой, чуть не сбила с ног. Рядом завизжали от избытка радости девушки, которые прыгали в набегающих валах. Зернистый тяжелый песок охлаждал босые ноги. То тут, то там вода перекатывала гирлянды подводных цветов — белых, полупрозрачных, — и Илья осторожно переступал через них.

— Идите к нам, — позвала его на интерлинге одна из девушек — смуглая, грациозная, то ли китаянка, то ли вьетнамка. — Меня зовут Да Фуцзы — Большое Счастье.

— Это и так видно, без перевода, — улыбнулся Ефремов. — Простите, но мне надо улетать.

«О карантине знают пока немногие, Те, кто собирался домой, — думал он, заплывая все дальше и дальше. — Коконев жизнеобеспечения на планете триста семнадцать. За неделю их развернут еще максимум триста-четыреста. Чертовски сложная штука, эти коконы... Тяжелых больных сейчас человек семьдесят — надо, кстати, уточнить. Но завтра, послезавтра... Если пандемия будет развиваться такими темпами, через неделю у нас будут тысячи больных... Никто из отдыхающих не знает пока, что в огне так называемой «малярии» уже сгорело два человека — Осси Деланца и Лена Коканова. И это не скрыть. Мы разучились что-либо скрывать... Люди, конечно, будут терпеть вынужденное безделье. Но если пандемию не удастся остановить, может начаться паника. Миллионы людей хлынут на Землю, во все концы Обитаемых миров... А вдруг эта лейкемия имеет возбудителя? Вирус пойдет гулять по всем мирам?! Нет, невозможно! То есть возможно, но допустить этого никак нельзя».

Совещание заканчивалось. Шевченко хмуро оглядел собравшихся, спросил:

— Все ли считают, что чрезвычайные меры необходимы? Ставлю вопрос на голосование... Двенадцать «за», двое «против». Хорошо.

Он помолчал, опустив голову, затем сказал:

— Итак, осталось самое неприятное. Кто из нас возьмет на себя роль варвара? Предупреждаю: истинные мотивы не подлежат огласке. Поэтому исполнитель, естественно, будет предан общественному презрению. Есть ли добровольцы?

Теперь опустили головы остальные.

Молчанка затягивалась.

— Позвольте? — Илья встал и тут же мысленно себя выругал: «Высочка! Это не твое дело. Служба Солнца здесь ни при чем. Это прерогатива Совета миров. Шевченко может на-

значить любого из нас... Зачем тебе добровольно брать на себя такой позор?»

Вопреки своим же мыслям он, пожевав губами, сказал:

— Я первым подал идею локализовать опасность. Я рад, что вы ее поддержали. Значит, мне и осуществлять задуманное.

Он улыбнулся, как бы ободряя присутствующих и призывая их принять его жертву:

— Вы не обижайтесь, ребята... Я в прошлом хирург. Мне привычнее отсекал ненужное и опасное...

Площадь Перемещений выходила на Приморский бульвар, простиравшийся вдоль всего побережья. Бульвар объединял многочисленные курортные поселения в один бесконечный город развлечений, который и назывался Золотым Поясом.

После полуночи на разноцветных дорожках движущихся тротуаров прохожих почти не было. «Это к лучшему, — подумал Илья. — Чем меньше людей увидит инсценировку, тем лучше. Варварство противно самому существу человека... А информацию они получат: утром будет специальное сообщение по программе «Инфор». Кроме того, каждый сможет собственными глазами убедиться, что натворил неизвестный сумасшедший...»

Вход на площадь Перемещений перекрывало ограждение из прозрачной силитовой пленки, на которой через каждые пять-шесть метров светились надписи на интерлинге: «Вход строго воспрещен! Карантин! Межпланетные сообщения временно прекращены».

Илья включил гравипояс, перемахнул через ограждение, осмотрелся. Кабины нуль-пространственных переходов располагались подковами по обе стороны площади. Их белые продолговатые эллипсоиды, увенчанные коронами антенн, напоминали то ли взеземные плоды, то ли грустные лица идолов. Слева кабины приема, справа — передающие. «Они-то мне и нужны», — подумал Садовник.

Он снял с пояса тяжелый цилиндр универсального инструмента, включил генератор атомного распада. В торце цилиндра зажегся красный глазок индикатора готовности.

Ефремов еще раз проверил расстояние и силу заряда. Атомный обстрел должен повредить лишь шлюзовые камеры и частично площадь возле них. Словом, надо сделать так, чтобы на площадь Перемещений страшно было взглянуть. В то же время в случае необходимости ремонтники должны через два-три часа запустить нуль-переходы.

Илья прицелился, выстрелил. С громовым раскатом перед крайним зданием-эллипсоидом взметнулось голубое пламя. Он повел стволом, и в огненном вихре исчезли павильоны-ожидалки, розарии и летние кафе. Черным и красным светом наполнилась площадь, удушливым дымом от испепеленных пластиковых покрытий, жаром искореженных и частично расплавленных конструкций. Откуда-то повалил пар.

Ефремов отступил ближе к ограждению, опустил ствол излучателя. Краем глаза он заметил, что к площади бегут люди. Поспешно размазав на лице пот и копоть, Илья опять нажал спуск: Скорее! Скорее выжечь здесь все, вздыбить в атомном

расплаве землю, пощадив лишь уникальные творения человеческих рук — кабины нуль-переходов.

Он сделал последний выстрел и отвернулся от безобразной пляски огня.

За неощутимо тонкой пленкой ограждения стояли люди. Сотни людей. Толпа все прибывала, разрасталась.

Илья машинально шагнул к людям, но вдруг словно включился звук, и он услышал через гоготание пламени взволнованные голоса, увидел мужчин, которые старались разрушить ограждение, чтобы схватить маньяка, то есть его.

«Все. Можно уходить, — подумал Ефремов. — Черное дело сделано. Теперь хоть на люди не показывайся».

— Не трагуйте его! — крикнула какая-то девушка, сдерживая толпу. — Разве вы не видите, что он безумный?!

Голос показался знакомым. Илья подошел к пленке, которую уже разрывали сильные руки, и узнал в своей защитнице Большое Счастье.

— Вот теперь я свободен, Фуцзы! — крикнул он ей.

Девушка в ужасе отпрянула от пленки-стены, а Илья, включив гравипояс, свечой взмыл в ночное небо.

В его комнате горел свет.

Он вошел, кивнул Егору и Славику, словно к нему всю жизнь гости приходили именно под утро — темнота за окнами стремительно таяла. На самом деле он, конечно, и удивился, и мгновенно заметил, что лица друзей горестные, серые от усталости. Сердце сжало предчувствие беды. Чтобы избавиться от него, Ефремов шутливо доложил:

— Маньяк-террорист прибыл! Не надо оваций! Я должен принять душ, иначе меня тут же опознают возмущенные соотечественники.

Он прошел в ванную комнату, включил программу «жесткой обработки» на максимум, чтобы хоть как-то продлить время. Стоя под кинжалными струями то горячей, то ледяной воды, терзаемый со всех сторон электрическими иглами и микровзрывами массажиста, Илья вдруг с тоской подумал:

«Все, что угодно. Но только не это!»

Он вышел из ванной, стал преувеличенно громко и живописно рассказывать, какой он устроил на площади Перемещений «театр». Потом замолчал, чувствуя, как немеет все внутри, как напрягается душа в предчувствии плохих вестей.

Егор сдвинул белесые брови, опустился в кресло.

— За ночь прибавилось еще двести восемьдесят шесть больных. И еще двое умерло, — сообщил он.

— Кто? — не спросил, а скорее выкрикнул Илья.

— Технолог Газанфар, житель Северной Пальмиры, и... — Егор замолчал.

— Второй? Кто второй? — закричал Ефремов. — Почему вы играете в прятки?!

— Мы не играем. — Егор встал, опустил голову. — Мы плачем, Илья.

Ефремов повернулся к Славику и в самом деле увидел, что его чуть раскосые глаза полны слез.

— Час назад умер Антуан, — сказал Славик.

УТЕЧКА НА ЛИНИИ

Пол вдруг ушел из-под ног, зазвенела посуда, сорвался с места и грохнулся подвесной садик амарилисов, и на белой скатерти расплылось уродливое пятно вишневого сока.

Кто-то испуганно охнул.

— Восемь баллов по шкале Рихтера, — тут же сообщил Помощник. — Сработали гравитационные компенсаторы.

— Что происходит, Рем? — окликнул Илья знакомого администратора, чей завтрак разлетелся по столу.

— Понятия не имею, — ответил тот и подошел к стене-окну. С пляжа бежали люди. Над потемневшим телом океана суетились красные капсулы спасавтоматов — падали на воду, стремительно уносились к медцентру.

Ожил стационарный «Инфор», расположенный в углу столовой. В объеме изображения появился не дежурный Совета, а сам Шевченко, как всегда немногословный и предельно собранный.

— Зарегистрированы непрогнозируемые мощные подводные толчки в местах основных поселений людей, — сказал он. — Служба оповещения цунами предупредила, что к Золотому Поясу идет волна со скоростью около девятисот километров в час. — Шевченко сделал паузу, глянул на часы. — Объявляю тревогу! Эвакуацию закончить в течение двадцати минут. Все здания и отдельные модули переводятся в режим полета. Всем отдыхающим занять свои жилые помещения. Администраторам через десять минут доложить о ходе эвакуации в закрепленных за ними зонах.

— Какой ужас! — Обычно невозмутимый профессор экологии Висвалдис схватился за голову. — Чем мы прогневили Ненаглядную?! Она все убьет! Нас, сады и парки, прекрасные цветники... Она сорвет Золотой Пояс...

— Вряд ли это обычное стихийное бедствие, — заметил Илья, стараясь отвлечь Висвалдиса и перевести разговор на близкую его профессии тему. — Ненаглядная сейсмически пассивная планета. И вдруг одновременные толчки. Причем можно сказать — направленные толчки... Напрашивается вывод, что люди каким-то образом вошли в конфликт с... планетой. Это по вашей части, профессор.

Висвалдис оживился.

— Стало быть, вы утверждаете, что Ненаглядная, как замкнутая экологическая система, обладает инстинктом третьего рода, то есть не позволяет выводить себя из равновесия? — Профессор на секунду задумался и заключил: — Отсюда разумно предположить, что и пандемия и цунами — проявления инстинкта самосохранения в масштабах планеты?!

— Это вы утверждаете, — улыбнулся Илья. — Я, правда, предполагал нечто в этом роде, однако не нашел ни одного фактора, нарушающего экологическое равновесие. Планета используется как курорт. Мы практически не вмешиваемся в ее биосферу, не переделываем климат и ландшафт, хотя многое здесь можно было бы устроить гораздо разумнее.

Здание административного центра, в котором разместились Садовники-эксперты и прибывшие с ними крупнейшие специа-

листы Обитаемых миров, тихонько вздрогнуло, освобождаясь от земных пут. Антигравы бесшумно возносили его над растревоженным городом.

— Вы знаете, — сказал эколог, — у нас по-земному догматичные представления о здоровье природы. Мол, если отравить целое море или уничтожить полконтинента, то это уж как-то скажется. В принципе взаимосвязи в биосфере могут быть чрезвычайно тонкими. Я бы сказал — утонченными. Помните чудесный рассказ Брэдли, в котором из-за раздавленной в прошлом бабочки разительно изменяется будущее?

— Вы хотите сказать, что мы все-таки что-то здесь нарушили? — Илья подошел к стене-окну. Океан поблескивал свинцово и грозно, будто аспидно-черная грозовая туча.

— Это не я говорю, а планета, — в тон ему ответил эколог. — Но что говорит — мы не пойдем. Где та «бабочка», которую мы не заметили, отдавшись всепланетному безделью?

— Не знаю, брат, — грустно заключил Садовник. — Никто пока не знает.

Висвалдис ошибся. Цунами не просто сорвало Золотой Пояс, но и обезобразило, разрушило во многих местах берег, коммуникации, такие стационарные строения, как центры обслуживания, площади зрелищ, спортивные и детские городки.

Странно и непривычно выглядел бесконечно длинный город-курорт за пятнадцать минут до прихода волны. Будто сорванные штормовым порывом ветра, зашевелились, поплыли медленно вверх многоэтажные здания. Сотни тысяч индивидуальных модулей, оставив земные «приколы», также устремились в спасительное небо — поодиночке, блоками и гирляндами, как жили их хозяева.

Из окон и лоджий административного центра, который поднялся несколько выше, все это казалось широкой полосой разноцветного мусора, колеблющейся у берега потемневшего океана.

— Идет! — выдохнул кто-то за спиной Ильи.

Волна была далеко и казалась морщиной на лице океана. Ближе к берегу, попав на мелководье, стремительно движущийся вал начал на глазах разбухать, расти вверх. В нем началось тяжелое и грозное движение. Ярость взбешенной воды изогнула волну хищным гребнем. Но еще до волны налетел ветер и принес непонятные звуки — глухое погромыхивание, шипение, свист, резкие удары-всхлипы. Сначала темно-зеленая, затем иссиня-черная стена волны надвинулась на Большой коралловый риф и с громовым ударом планетарных двигателей сломалась, растеклась безобразно грязным пятном, в котором исчезли сады и рощи. Будто срезанные лучом универсального инструмента, рухнули и захлебнулись в мутном потоке реликтовые сосны.

Волна медленно отхлынула. Летающие жилища людей стали возвращаться на землю. Опускались они осторожно, разыскивая свободные места между обломками зданий и деревьев, перемешанных с песком, водорослями, искореженными металлическими конструкциями, камнями, мертвыми рыбами и огромными подобиями земных медуз.

Илья с Егором не без труда очистили вход коллектора, к ко-

торому затем подключили коммуникации здания — энерго- и водоснабжение, систему гигиены и утилизации.

За этим занятием и застал их Шевченко.

— Похвально, — не без иронии сказал Михаил Владимирович. — Руководитель группы Садовников-экспертов и его ближайший Помощник занимаются тем, чем должны заниматься или автоматы, или в крайнем случае техники.

— Мы пока без дела, — ответил Егор. — Одним техникам с последствиями цунами не справиться.

— Дело есть, — устало вздохнул представитель Совета миров. — Похоже, Ненаглядная объявила нам настоящую войну. Лично я не склонен усматривать в лавине бед, которые обрушиваются на нас, только стечение обстоятельств.

— Что-то еще случилось? — удивился Илья.

— Пока трудно судить о причинах. Может, обычная неисправность, которую проморгала автоматика. — Шевченко присел на обломок известняка. — За полчаса до подводных землетрясений начались перебои в энергоснабжении всей зоны Золотого Пояса. Мне доложили, но затем пришлось заняться эвакуацией, было не до поломок. После ухода волны энергоснабжение полностью прекратилось. — Михаил Владимирович привычным движением помассировал виски.

— Час от часу не легче, — присвистнул Ефремов. — Я где-то читал. чтобы убить современную цивилизацию, достаточно отключить ток.

— Вот именно, — согласился Шевченко. — У меня нет пока фактов, но во всех событиях, разыгравшихся на планете, можно усмотреть проявление некоей злой воли. Присмотритесь, пожалуйста, поищите, откуда может исходить опасность... Этот молодой человек... — Михаил Владимирович повернулся, и друзья только теперь заметили высокого гибкого юношу в золотистом комбинезоне энергетика — он стоял в сторонке, возле универсального вездехода-лаборатории, — наш лучший специалист по энергетическим системам. Он проверит исправность линии и автоматики. А вы поищите то, о чем мы только что говорили. Будьте предельно осторожны. И держите меня в курсе...

Шевченко подошел к юноше, положил на плечо руку:

— Постарайся, Скворушка... Сутки-другие мы, конечно, продержимся. На аварийном питании, аккумуляторах. Но дальше будет худо.

Юноша покраснел.

— Я понимаю, — ответил он, стараясь, чтобы слова его прозвучали веско и убедительно. — Мы управимся еще к вечеру. Не беспокойтесь, Михаил Владимирович.

Они тронулись в путь. Егор, любуясь тонким, одухотворенным лицом юноши-энергетика, не выдержал и спросил:

— Простите, почему Скворушка? Прозвище?

Парень опять покраснел.

— Моя фамилия Скворцов, Николай Скворцов, — представился он.

— Очень знакомая, — пробормотал Илья, вглядываясь в карту-схему энергосети Ненаглядной. — Если не ошибаюсь, Луна-опера, прошлое лето, большой приз Обитаемых миров,

двенадцать тысяч поклонниц, скандирующих: «Пой, Скворушка»?

— Все так, — засмеялся Николай. — Песня — моя вторая профессия... Правда, зал там вмещает восемнадцать тысяч зрителей.

Вездеход миновал уцелевшую распределительную подстанцию и углубился в лес. Мокрая листва зашелестела по колпаку кабины, голоса птиц тотчас прервали разговор людей, заставив их на какое-то время замереть от удивления. Наверное, здесь и родилось название планеты. В отличие от земных тропических лесов тут было просторно и солнечно. Оазисы высокоценных реликтовых сосен утопали в лиственных светлых подлесках, поляны полевых цветов незаметно переходили в разлив Жемчужных озер, густо поросших древовидными орхидеями.

И где бы ни скользил вездеход, удерживаемый антигравом невысоко над землей, через каждые полкилометра вырастали совершенно одинаковые пластиковые золотисто-красные опоры, удерживающие кабель плазмопровода. Автоматическая энергостанция в целях безопасности располагалась в семидесяти восьми километрах от Бесконечного города.

— Объясните, Коля, ситуацию, — попросил Илья Скворцова. — Мы не успели опомниться после цунами, а тут новая беда...

— По всему видно — на линии крупная утечка, — оживился парень. — Станция работает нормально, значит, энергия теряется где-то в пути. Посмотрите. Это станция, а вот плазмопровод.

На экране чистым зеленым огнем светился октаэдр станции, зато нитка линии передачи еле проглядывалась.

— Это собственное поле кабеля, — пояснил Николай. — Целая прорва энергии порядка двадцати гигаватт куда-то уходит. Мы должны обнаружить утечку.

Вездеход углубился в редколесье. В кабине заиграли блики, повеяло легкой прохладой. Здесь, в пятидесяти километрах от берега, кошмарным сном казалась ярость океана, воплотившаяся в черную стену цунами, опустошенное побережье. И уж вовсе не хотелось верить, что неведомая опасность может скрываться и в этом лесу, в этой неземной благодати.

Николай, напевая шутивную балладу о ленивце, пережившем в полудреме гибель собственной вселенной, притормозил, перегнулся через борт и сорвал несколько бледно-лиловых кувшинок.

— Кошунство, конечно, — согласился он, поймав удивленный взгляд Ильи. — Но цветы не пропадут. Стоит бросить их в воду, как они тут же заведут себе новую корневую систему. Эти кувшинки, кстати, завезены с Земли. Лет пятнадцать назад. Я об этом знаю, потому что моя мама селекционер. Она занимается именно декоративными растениями.

Скворцов упомянул о матери, и Илья вновь увидел белый кокон жизнеобеспечения, услышал шепот Антуана: «Только маме, только маму... Не говорите ей...» Почему? Ну почему человек на своем пути познания должен упираться то в одну, то в другую глухую стену?! За что ему эти постоянные испытания? Илья вспомнил муки неизвестности, когда над ним месяц назад скалой нависала тайна туманности Окно, и подумал, что

жизнь и расселение людей в галактике напоминает бег с препятствиями. Взял один барьер, впереди другой, затем третий. И так без конца. Впрочем, в этом есть свой резон. Проще и на стадионе отойти в сторонку, прилечь на траву, вздремнуть... Но тогда исчезнет движение, ради которого, может, и существует жизнь.

На экране вдруг тревожно разлился пульсирующий алый свет.

— Есть утечка! — воскликнул Скворцов, рывком останавливая вездеход-лабораторию.

Он достал из стенного шкафа два точно таких комбинезона, в котором был сам, попросил:

— Оденьтесь, пожалуйста. На случай, если придется выйти. Эта ткань — идеальный изолятор...

Энергетик будто и не пел пять минут назад. Он вглядывался в экран и, осторожно продвигая вездеход к очередной опоре, которая торчала над деревьями, отрывисто бросал вопросы бортовому логическому блоку:

— Напряженность поля? Индукция?.. Заряд проводника, емкость?..

Блок ответил. Николай на секунду откинулся в кресле, прикрыл глаза. Затем повернул к Садовникам сразу постаревшее лицо.

— Не понимаю! — сказал Скворцов и махнул рукой в сторону опоры. — Такого не бывает в природе. Не может быть!

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Егор.

— Приборы свидетельствуют, что вся энергия, вырабатываемая станцией, не просто теряется, а аккумулируется в районе этой опоры.

— Но в природе не существует таких емкостей?! — удивился Егор, невольно повторив слова Скворцова. — Ну, шаровая молния. Так это же игрушка...

— Не только в природе, — сказал Николай. — Человек тоже еще не умеет аккумулировать такие запасы энергии.

— Опять фокусы Ненаглядной! — проворчал Ефремов, вглядываясь в опору.

Кабель плазмопровода возле опоры опутывало нечто вроде сизой паутины или пряжи, космами свисавшей к земле.

— Включите запись изображения, — попросил Илья Скворцова. — Что показывают анализаторы?

— Ничего нового, — пожал плечами энергетик. — Попробую зонд. Надо захватить кусочек этой пряжи. Ребята в лаборатории быстро ее распутают.

Шарик зонда оторвался от вездехода, нырнул в сизые космы. Ефремов невольно прищурил глаза, ожидая ярчайшей вспышки. Однако в следующие мгновения зонд благополучно вынырнул из странного новообразования и вернулся в свое «гнездо».

Скворцов достал специальный щуп, зарастил комбинезон.

— Что вы собираетесь делать? — настроенно спросил Егор.

Николай улыбнулся:

— Заняться своим делом. Надо проверить саму опору. Если она рухнет...

— Мы не знаем, насколько опасна эта «пряжа», — возразил Илья. — Оправданна ли ваша вылазка?

— Я полностью защищен, — сказал энергетик, превращая капюшон в подобие шлема космического скафандра. — Как специалист, я отвечаю за безопасность всех работ. Так вот. В этом костюме я могу ловить молнии Перуна. Не беспокойтесь, друзья.

Он выпрыгнул на болотистую почву, брызнувшую жижей, и по кочкам пошел к золотисто-красной колонне опоры, которая стояла на песчаном взгорке.

— Не нравится мне все это, — отрывисто бросил Егор, глядя вслед Скворцову. — Пряжа не нравится, да и сама красотка ненаглядная. Тоже мне рай неземной... Есть что-то противоестественное в понятии «планета-курорт». Праздность, прожигание жизни... Горькая судьба для планеты!

Николай, осторожно приблизившись к опоре, произвел какие-то замеры. На безобразной бахrome, серым занавесом опускавшейся к земле, странным увеличенным образом отразилась его фигура.

Затем он протянул щуп к «пряже», повел его вверх. И вдруг замер.

— Что?! — заорал Илья, вскакивая. — Что случилось, Коля?

Из канала связи, который Егор тут же включил на полную мощность, доносилось прерывистое дыхание энергетика.

«Пряжа» дрогнула, тысячами нитей заструилась к человеку, опутала его защитный комбинезон.

— Назад! — крикнул Илья. — Немедленно назад!

Скворцов вдруг запел. Это было так дико и неожиданно, что Илья с Егором замерли, вслушиваясь в хриплый голос. Он то возвышался, звенел над болотом, вырвавшись из усилителей вездехода, то падал до шепота, переходил в невнятное бормотание:

Ладно, еще один день — как огромно все это:
словно ты прыгаешь в новую бездну
или в другие новые бездны, в другое
царство транзита — у этой истории
нет конца, даже когда приходит конец,
а когда все опять начинается, тебя уже нет¹.

Илья стал лихорадочно заращивать свой комбинезон.

Скворцов вяло отмахивался от сизой паутины, будто от назойливых ос. Затем, уронив щуп, отступил на несколько шагов, повернулся к вездеходу. Его покачивало.

Садовники, не сговариваясь, выскочили из вездехода, чтобы увести энергетика от гиблого места, помочь ему добраться к зоне действия защитного поля.

И тут Скворцов засветился. Точнее, он стал сначала полупрозрачным, словно какой-то неведомой силы свет пронзил и его тело, и защитный костюм.

¹ Пабло Неруда.

Он стал отступать от вездехода, пытаясь руками защитить глаза и не понимая, что свет идет изнутри.

Илья бросился к нему и тут же упал, сбитый ловким ударом Егора:

— Не смей! Опомнись! Ему уже не поможешь!

Вряд ли он удержал бы товарища, но тут Скворцов тоже упал. Тело его засияло, будто шаровая молния, вокруг него задымилась, а затем вспыхнули ветки низкорослого кустарника.

— Коля! Скворушка! — в отчаянии простонал Илья. — Что ты натворил, Коля!

Вечером Полина почему-то не позвонила.

Илья вспомнил, как рвалась жена лететь вместе с ним на Ненаглядную, и порадовался, что Полина осталась на Земле. Нечего ей делать в этом неправдоподобно красивом мире, который поразил неведомый недуг. Тайны и беды множатся, вырастают десятками, как поганые грибы... Черное пламя смерти, вызванное пандемией, частично, правда, удалось погасить. Завтра гематологи Земли пришлют первую партию искусственных селезенки, поступили и используются могучие препараты, восстанавливающие нормальное функционирование кроветворных органов. Но уже появилась новая загадка. Что, кроме беды, значит справка медцентра, на которую обратил его внимание академик Янин? Всего несколько фраз: «При профилактическом осмотре на планете обнаружено четыреста восемьдесят семь случаев стерильности практически здоровых женщин. Стерильность, по-видимому, обусловлена внешними факторами». Янин, поблескивая лысиной, дважды прочел информацию, спросил в упор: «Вы, конечно, догадываетесь, что, как и в случае с нелепейшей вспышкой лейкемии, никаких внешних факторов не обнаружено?» — «Я предполагаю такое», — согласился Илья. «Так вот! — заключил академик. — Запомните: Ненаглядная хочет нас или прогнать, или истребить. Третьего не дано. Ей мало пандемии и якобы стихийных бедствий. Она исподтишка делает наших женщин бесплодными... Это звенья одной цепи, Садовник».

Последняя фраза Янина запала Илье в душу. В самом деле, как ни посмотри, во всех событиях обнаруживаются признаки планомерного наступления на человека. Но как, каким образом планета может почти осознанно реагировать на присутствие людей? И чем они ей, в конце концов, досадили? Где та «раздавленная бабочка», о которой говорил Висвалдис?

Илья попробовал отключиться от назойливых мыслей. Представил Полину: ее светлые волосы, родные, зеленые глаза, в которых помещается столько тепла и света, золотистый пушок над верхней губой... Поскорей бы домой! К светлым водам речушки Выпи, где они «заякорили» свой модуль, к лесу и его росным полянам, которые в двадцати минутах ходьбы от дома... Улетая, он просил Полину побольше гулять... Вот бы увидеть ее сейчас. Как она идет по тропинке, будто плывет, — куда подевалась былая порывистость. А все Он — еще неизвестный им человек, спящий под материнским сердцем. Как они там, его родные?

...Он увидел тут же и Выпь, и побитую спорышем тропинку, свой модуль у берега. В следующий миг над этим тихим уголком изогнулась, затрепетала от гнева черная стена цунами, та самая, от которой они спаслись здесь, и Илья со всей неотвратимой ясностью кошмара понял, что на этот раз не уйти... Он застонал, повернулся на другой бок.

В углу комнаты, рядом с постелью Ильи, вдруг вспыхнул объем изображения.

— Ил, — тихонько позвала Полина.

Черты лица спящего, измененные страшным сновидением, разгладились. Он даже улыбнулся, но так и не проснулся.

Полина сидела, набросив на плечи пуховый платок, и молча смотрела на мужа. Далекое солнце Земли зажгло ее волосы, и они сияли вокруг смуглого лица будто нимб.

Потом, вспомнив, что время сеанса кончается, порывисто встала, хотела, наверное, разбудить спящего, но в последний момент передумала.

Она протянула бестелесную руку, погладила голову Ильи, коснулась его закрытых глаз, губ. Со стороны Полина казалась феей, залетевшей ночью к своему возлюбленному и осыпавшей его эфемерными, неосязаемыми ласками.

Колокольчиком отозвался сигнал прекращения связи — изображение феи растаяло.

ОБОРОТНИ

На берегу трудились уборочные автоматы. Красные многопалые крабики, манипулируя антигравитацией, таскали куда-то в глубь временного поселка поверженные реликтовые сосны, убрали мусор, ремонтировали местами разрушенную набережную.

Илья несколько раз нырнул, а когда вышел на берег, увидел Славика. Тот сидел на поверженном пляжном зонтике и хмуро разглядывал купающихся.

— Ты чего надулся? — удивился Илья. — И на завтраке тебя не было.

— Нездоровится, — сказал Славик и постучал себя по лбу. — Головная боль. Точно как при давлении. Особенно по вечерам донымает. И утром. Днем легче.

— Ты что?! — Илья насторожился. — Проверился хотя бы?

Славик махнул рукой.

— От забот болит... Был я, конечно, в медцентре. Говорят — практически здоров. А вчера как прихватило, так я включил гипнонос и скрылся в царстве Морфея.

— Может, это штучки Ненаглядной? — не согласился Илья.

— Не хватало, чтобы она нас поодиночке начала преследовать, — улыбнулся Славик. — Ты, Илюша, из обычной планеты какого-то мстителя сотворил.

Ефремов сложил полотенце и только теперь заметил, что левая рука Славика перевязана.

— А это еще что? Тоже от забот?

— Ты не знаешь? — в свою очередь удивился товарищ. — Впрочем, ты вчера утечкой занимался... Вечером пожар был. Даже не вечером, ночью.

— Почему не разбудили? — нахмурился Илья. — Такое творится, а я последним узнаю. Что горело?

— Цех дублирования предметов обихода. Точнее, склады. Ты же знаешь, что такие вещи изготавливают впрок, серийно... А будить тебя Шевченко запретил. Вы, говорит, Садовники, а не пожарники.

— Ожог? — Илья кивнул на забинтованную руку.

Славик пожал плечами:

— Мал мала есть. Что интересно, я даже не заметил, когда и где прихватило. Ночью тревога, а у меня голова как чугузная... Люди бегут, суета, крики. Пожарные гравилеты все пеной забросали — чуть не утонул...

— От этих неслучайных случайностей уже начинает становиться скучно, — сказал Илья. — Действия Ненаглядной бессмысленны и жестоки. Агрессивность ее возрастает. Иногда мне хочется все же эвакуировать людей и превратить эту милую планету в облачко электронного пара.

— Я не сказал главного. — Славик наблюдал, как неподалеку среди крутых волн прыгают и смеются девушки. — Это был поджог.

Илья уронил полотенце:

— Ты с ума сошел!

Славик рассказал что группа отдыхающих альпинистов, возвращаясь поздно вечером с восхождения на Белые горы, заметила огонь в районе цеха дублирования. Они тут же сообщили службе 01 и принялись тушить пожар. Альпинисты утверждают, будто они видели минимум тронх злоумышленников, но задержать не сумели... Они сначала даже не поняли: как это человек может что-либо уничтожить. Тем более не личную вещь, а общественное.

— Может, — пробормотал Илья, вспомнив дикую, патологическую выходку художника Жданова, чью судьбу пришлось ему исправлять лет пять назад. — Астрономически редко, но еще пока может...

— Так вот, — закончил рассказ Славик. — Мне и академику Янину поручено разобраться с этими... — он поискал слово, — оборотнями.

— Может, здесь замешаны Нищие духом? — предположил Илья.

В служебных записях Антуана он не раз встречал упоминания о Нищих духом — группе моральных уродов, обосновавшихся на Центральном материке в районе бухты Миражей. Поселение свое они назвали глупо и претенциозно — Рай.

— Исключено. Уже проверили. — Славик посмотрел на часы. — Янин вчера, сразу же после пожара, послал туда своего фантома и пересчитал их, как баранов. Все Нищие оказались на месте.

— Между прочим, первый случай заболевания лейкемией был обнаружен именно в Раю, — задумчиво заметил Илья и спросил: — Ты торопишься? Тогда беги. Я хочу еще заглянуть к экзобиологам...

Славик ушел, а Илья сел на его место и, повернувшись лицом к океану, прикрыл глаза. Надо как-то выбрать время и слетать к Нищим, подумал он. Ведь этот Рай, рудимент прош-

лого, точнее, того безобразного, что было в прошлом, волнует всех. Им занимается специальный сектор нашей Службы Солнца... Быть здесь и не повидать Нищих, не попробовать понять, откуда пришло эхо зла...

— Я вас узнала, — услышал Илья знакомый голос и тоже узнал девушку, еще не успев открыть глаза.

— Да, я тот варвар, который уничтожил площадь Перемещений. — Ефремов улыбнулся маленькой китайке, подвинулся. — Присаживайтесь, если не боитесь. Учите: я как преступник предан общественному презрению. Хотите меня попрезирать?

— И все вы врете, — сказала Да Фуцзы. — А еще Садовник. Ясно же, что вы не сами это придумали. Совет побоялся паники, решил подстраховаться. А на самом деле — перестраховался... Вам не стыдно врать, Садовник?

— Очень стыдно, — охотно согласился Илья. — Но вот насчет перестраховки вы не правы. Конечно, человек управляет своими инстинктами, однако... Представьте на секунду, что этот пляж покрыт мертвыми, разлагающимися телами, которые санитарные гравилеты не успевают вывозить. Дома тоже забиты мертвецами — наша пандемия имеет взрывной характер... Так вот. Инстинкт самосохранения в такой ситуации весьма опасная штука...

— Зачем вы меня пугаете?! — Девушка даже отступила. — Разве такое возможно? Это какой-то кошмар.

— Такое не исключалось еще несколько дней назад, — сказал Ефремов. — К счастью, пандемия пошла на убыль. Я не буду вас больше пугать.

— Теперь моя очередь, Садовник.

Да Фуцзы решительно сорвала с мокрых плеч гирлянду светящихся цветов, выпрямилась.

— Скажите, кто тот человек, с которым вы только что разговаривали?

— Друг.

— Он враг, — возразила девушка. — Я была вчера на пожаре — мы возвращались с гор. Я узнала его. Он жег там все из такой же штуковины, какую я видела у вас на площади Перемещений. Только у вас было нормальное лицо, а у него мертвое. Ствол его штуковины раскалился... Он поддерживал его левой рукой и не замечал боли. Теперь вот перевязанный...

— Этого быть не может, — холодно сказал Илья. — Вы обознались, Фуцзы. Я уверяю — вы обознались.

Девушку позвали. Она пожала плечами, поклонилась, как бы извиняясь за неприятный разговор, и побежала к воде.

«Не хватало, чтобы мы стали искать врагов среди своих. Подозрительность — черное, давно забытое понятие. Нельзя, чтоб она, как змея, подняла голову, воспользовавшись неразберихой и неизвестностью. Хорошенькое дело получается: если верить Фуцзы, Славик ищет возможности изблечить самого себя...»

Еще он подумал, что пожар, наверное, не последняя выдумка планеты, изгоняющей людей, что, может, следует вновь поискать на Ненаглядной скрытую форму разумной жизни, цивилизацию, но тут же отбросил эту мысль. Искали уже, про-

веряли. Нет здесь присутствия духа. Есть обычная материя, воплотившаяся в красоту.

Вечером, за дружеским чаепитием в административном центре, Ефремов хотел рассказать о разговоре на берегу, посмеяться над нелепым обвинением, но, взглянув на усталое, отрешенное лицо Славика, передумал шутить.

За чаем Илья узнал две новости, которые немного успокоили его: комиссия не нашла следов поджога, альпинисты, по-видимому, ошиблись; гипотезу Ефремова — Висвалдиса о том, что присутствие человека на планете может нарушать ее экологический баланс, по распоряжению Шевченко начала проверять большая группа специалистов.

Он рано радовался. В четыре утра по местному времени Ефремова разбудил сигнал общей тревоги. Топот ног заполнил коридор.

— Нет! — Шевченко решительно пристукнул ладонью по столу. — Наша с вами, Илья, версия ни к черту не годится. Эпидемия, землетрясения, пожар... Все это еще кое-как вписывалось. Мол, человек — аллерген, вот бедная планетка и корчит... Но взрыв на фабрике биосинтеза! Да что взрыв. Там бой сейчас идет!

— Бой?! — Илья и Егор вскочили одновременно. Пальцы их пробежали по пластинкам поясов, приводя костюмы-скафандры в готовность.

— Самый настоящий. И отчаянно скверный, потому что там всего лишь девять наших ребят. Можно сказать, безоружные. Парализаторы действуют на сто шагов, а противник лупит атомными зарядами...

— Что за противник?

Илья вдруг почувствовал: все рушится. Все в одну кучу — факты, догадки, понимание происходящего... Стрелять могут только разумные существа или созданные ими механизмы.

Поняв его растерянность, Шевченко угрюмо сказал:

— Я думаю точно так же, Садовник. Природа стрелять пока еще не умеет.

— Мы летим туда, — твердо заявил Егор. — С нами настоящее оружие и знания древнего военного искусства. Мы разыщем безумцев и остановим их.

— Будьте осторожны, — предупредил Шевченко. — Постарайтесь выяснить главное: кто против нас?

— Мы обо всем сообщим, — кивнул Илья и, включив антиграв, полетел вслед за Егором к выходу на кольцевую лоджию-сад.

Минут десять они неслись на предельной скорости вдоль берега. Океан внизу лежал буро-зеленый, страшный, вывернутый наизнанку недавними подземными толчками. Поваленные деревья, горы песка и мертвых водорослей, обломки скал и новые бухточки — следы цунами были повсюду.

Возле бывшей реликтовой роши они повернули на север, к Белым горам, и тут же резко снизились — туман предгорий смешивался с низкими тучами, то и дело срывался дождь.

Дыма они поначалу не увидели — мешал все тот же туман. Затем внизу ало вспухло пламя — оно наполняло купол фаб-

рики, вернее, то, что от него осталось, растекалось между деревьев, подступало к разноцветным жилым модулям.

— Дела, — протянул Егор и добавил: — Я вызвал Славика. Три «ствола» — это все-таки сила.

— Пора рассредоточиваться, — перебил его Илья. — Переходи на бредущий — и к складам готовой продукции. Я видел там людей. Я же пойду вдоль этой скальной стены. Там транспортная площадка. Надо перекрыть выходы.

В эфире послышался чей-то смехок. Удивительно знакомый и одновременно чужой, какой-то неживой. И тотчас в их разговор ворвался третий голос. Хриплый и злой.

— Я Рэй Карпов, главный оператор. Почему разговариваете в открытую? Противник прослушивает эфир и перебьет вас поодиночке.

— Где вы? — спросил Илья. — Отвечайте только в том случае, если это вам не повредит. И главный вопрос — знаете ли вы сущность противника?

Карпов хмыкнул.

— Что еще за сущность? Какие-то люди... Мы уже четырех уложили, сутки наркоза им обеспечены... Но у них зажигалки и какая-то очень серьезная дрянь. Похуже бластера. Ищите нас у складов готовой продукции, ребята. Только осторожно...

Голубая вспышка атомного пламени «растворила» в десяти шагах от Ильи старую скалу, усеянную шарами кактуса-бродаги.

Илья похолодел: «Этого еще не хватало!»

Стреляли из универсального инструмента, который имел генератор атомного распада. Такие инструменты имели только первопроходцы и... Садовники. Другое обстоятельство было и вовсе странным: Илья сразу же понял, что оружие или в руках неумехи, или противник явно... не хотел попасть.

«Я тоже... не хочу, — подумал Илья, переводя свой излучатель на микрозаряды. — Я не хочу убивать тебя, кто бы ты ни был. Но сейчас тебе будет жарко».

Он дал три короткие очереди. Крохотные шмели плазмы заронились в кустах. Кто-то вскрикнул дурным голосом, затрещали ветки.

— Возле складов порядок, — доложил весело Егор. — Противник ретировался после первого же «показательного» залпа. Славика, кстати, еле дозвался — он на другом континенте и прилететь не сможет.

— Мой противник, кажется, тоже отступает, — пробормотал Илья, осторожно продвигаясь к транспортной площадке.

С шумом, будто большая птица, из-за скал взмыл голубой глайдер.

Илья повел раструбом излучателя. И опустил его. Разряд в воздухе — верная гибель машины. Не надо нам ваших трупов. Это будет уже не бой, а месть. Хотя если кто-нибудь из ребят здесь погиб...

— Послушайте, Карпов, — сказал он. — Нет ли потерь? Я Садовник Ефремов. Все ли живы?

— Обошлось, — после паузы ответил главный оператор. — Янека, правда, ранило. Ожог. Уже отправили в медцентр.

— Хорошо. Сейчас займемся.. — Илья поискал слово и почему-то вместо «пленными» сказал: — Займемся спящими.

В куполе бывшей фабрики что-то начало взрываться — методично, тяжело, перемешивая все, что там еще оставалось, в один уродливый багряный расплав.

Четверо пленных лежали на ковровом покрытии пола и мирно спали. Один из них — светловолосый, с женственными чертами лица — даже тихонько пошвыстывал носом.

Илья еще раз проверил силовые коконы, которые невидимыми нитями спеленали пленных, оглянулся. В зале уже собрались все ведущие специалисты Ненаглядной. Возле сектора связи стоял Шевченко и разговаривал, по-видимому, с Землей. Академик Янин переходил от одного пленного к другому, недоверчиво взглядываясь в их безмятежные лица.

— Слава, прошу тебя, — сказал Илья.

Из Северной Пальмиры Славик вернулся хмурым и разбитым, опять пожаловался на головную боль. Однако неожиданное нападение на биофабрику поставило сразу столько вопросов и задач, что Ефремов попросил товарища взять на себя хоть самое простое — установить через Информаторий лично-сти диверсантов.

— Есть такое слово, — пояснил он, уловив во взгляде Славика непонимание и какую-то тусклую настороженность. — Было раньше. Давно. Пришлось вот вспомнить.

— Личности... диверсантов установлены, — смертельно усталым голосом начал Славик.

Илью пронзила острая боль: мы жалеем людей — ежесекундно, — а себя, а друзей... Вот и Славик. Ему плохо, очень плохо, ты же видишь. И в то же время не замечаешь беду близкого. Мол, других надо жалеть, чужих...

— Егор Матвеев, историк, специализация — древние века. Отдыхающий. Винченцо Валенти, оператор центра обслуживания. Шестой год работает на Ненаглядной. Камил Клейн, поэт. Отдыхающий. Жером Йенсен, врач. Отдыхающий.

Академик Янин подтолкнул Илью:

— Что значит смешанные браки и ассимиляция народов! У меня есть ассистент — Жан Хорхе Иванов-Патанджали... Представляешь?.. Что касается «так называемых диверсантов», то боюсь, что каждый из нас мог оказаться на их месте. Здесь какое-то влияние на психику людей.

Шевченко, услышав слова академика, повернулся к ним:

— Это мы сейчас и проверим. Попросите разбудить одного из них. Скажем, Клейна.

Минут через пять Клейн открыл глаза. С недоумением, а потом с тревогой он обвел взглядом собравшихся в зале, попытался подняться, однако невидимые путы не дали ему даже пошевелиться.

— Что все это значит? — спросил он. Обращался он к Шевченко, заметив за его комбинезоне знак Совета миров.

— Извините, что мы ограничили свободу ваших действий, — сухо сказал Шевченко и сел в кресло, чтобы не возвышаться над собеседником. — Это вынужденная мера. Я думаю, что недоразумение сейчас выяснится. Для этого вам нужно ответить на несколько вопросов.

— Я готов, — так же сухо ответил Клейн. Его лицо, уже чуть обрюзлое и тронутое морщинами, не скрывало обиды. — Я готов на все, лишь бы понять, что происходит.

— Где вы находились ночью, а также вечером? — спросил Шевченко.

— Спал, разумеется... — Вопрос явно удивил поэта. — Попробовал после ужина поработать, однако ничего не вышло. Наверное, расшалились нервы. Эпидемия, карантин... Потом эта ужасная волна... У меня даже голова разболелась. Поэтому я лег рано — где-то около одиннадцати.

— Простите, Камил, но ваше сознание сейчас контролируется, — гораздо мягче и уже как бы извиняясь сказал Шевченко. — Мы не можем в данной ситуации верить на слово.

Клейн на миг прикрыл глаза.

— Получается, что я преступник? — прошептал он. — Даже не просто преступник — опасный. Ведь если я не ошибаюсь, зондирование сознания допускается только в случае прямых враждебных действий против общества?

— Да, прямых и враждебных, — согласился представитель Совета миров. — Что вы можете добавить к своему рассказу?

— Ровным счетом ничего, — потерянно ответил поэт. — Я спал.

— Вам знакома эта вещь? — Шевченко показал Клейну тепловой патрон, так называемую «зажигалку».

— Впервые вижу.

Подошел Егор, который работал с блоком поливита, контролирующего сознание подозреваемого.

— Он действительно... спал, — сказал Егор, снимая с Камилы Клейна силовые путы. — И, как мы знаем, вел в это время бой на фабрике биосинтеза, забрасывал ее вот этими «зажигалками».

У вскочившего на ноги Камилы от крайнего изумления даже приоткрылся рот.

— Но я не помню, я ничего не помню, товарищи, — прошептал он. — Это какое-то безумие. Я никогда не держал в руках оружие... И потом — зачем, почему? — Его голос возвысился: — Чтобы я, Камил Клейн...

— Успокойтесь, дружище, — сказал Егор. — Ваше сознание не участвовало в ваших действиях. Парадоксально, но факт. Вы исполнитель чьей-то чужой воли, Камил. Как и эти спящие бедняги.

В зале замерли. Предчувствие грозной опасности было таким явным, что люди невольно глянули на дверь конференц-зала. Вдруг она вот сейчас, сию минуту откроется, и на пороге встанет или возникнет, задрожит, запульсирует, замерцает Некто или Нечто и объяснит наконец, чем же провинились люди в этом неземном раю.

«Он тоже жаловался на головную боль», — подумал Илья и поискал глазами Славика. В зале его не оказалось.

— Срочно узнай, сколько на планете находится первопроходцев, — попросил он Помощника.

Логический блок ответил тут же, не задумываясь:

— Ни одного.

«Как так?! — чуть не вскричал Илья. — Значит... Значит, на планете всего-навсего четыре универсальных инструмента. Мой, Егора, Славика и Шевченко. Инструмент Антуана согласно инструкции в тот же день отправили на Землю... Да, Фуцзы утверждала, что видела там Славика с... штуковиной... Ожог руки!.. И я, как последний идиот, отмахнулся от ее слов...»

Илья, сдерживая себя, чтоб не побежать, направился к двери.

Коридор был безлюден и светел. В глубине его за красными паутинками, обозначающими пределы реального пространства, простиралась лунная степь с двумя купами черных деревьев и далеким огоньком костра... Номер комнаты Славика, опять-таки вытканый из алой паутинки, казалось, висел в воздухе.

Илья на секунду замер, собираясь с мыслями, затем быстро шагнул в дверь и тут же понял, что при всей своей тренированности не успеет ни отпрянуть, ни прыгнуть в сторону, ни упасть.

Прямо в грудь ему смотрел зловеющий раструб генератора атомного распада.

— Это я, Слава! — одними губами крикнул Ефремов.

Славик полулежал на кровати — на помертвевшем лице болью и безумием горели его воспаленные глаза.

Он попытался повернуться, сдвинуть прицел универсального инструмента, и Илья вдруг в секундном прозрении понял, что человек в Славике сейчас отчаянно борется с чужой и разрушительной волей.

— Я брат твой! — крикнул Илья уже во весь голос, стараясь пробиться к тому борющемуся, может, даже погибающему человеку. — Опомнись, брат! Ты человек! Очнись, слышишь!

Раструб дрогнул, дернулся в сторону. В тот же миг Илья прыгнул вперед, выбил оружие из рук товарища.

Славик странно задрожал, будто железная рука чужой воли отпустила его, но не совсем. Страх, что мучения и борьба, разрывающие душу, повторятся, колотил его большое и сильное тело.

— Убей меня, Илюша! — простонал он, глотая слезы. — Убей оборотня! Или свяжи... Я боюсь! Я — это не я, понимаешь?!

— Полежи спокойно, — сказал Илья, поднимая цилиндр универсального инструмента. — Не ты один мучаешься. Потерпи. Мы что-нибудь придумаем.

Он посмотрел на счетчик зарядов генератора атомного распада. Из восьмидесяти четырех их осталось всего шестнадцать.

РОДОМ ИЗ РАЯ

— Не трать даром времени, — хмуро посоветовал Янин, узнав за завтраком, что Илья хочет слетать в Рай.

— Какая разница, — продолжил академик, тыкая вилкой в рассыпающееся на волокна синтетическое мясо. — В Раю началось или на архипелаге. Это же не инфекция. Это беда, умноженная на случай. Или на умысел.

— Илья полагает, — пояснила экзобиолог Этери, — что Нищие нарушают экобаланс планеты.

— Сомневаюсь, — проворчал академик. — Они Нищие духом, это верно. Однако воспитание третьего тысячелетия обязательно сказывается. Они не варвары и, будьте уверены, не истребляют местных ланей, а обходятся, как и все нормальные люди, синтетической едой.

— Дело не в еде, — возразил Садовник. — Среда обитания — понятие очень емкое.

— Ага. — Этери озорно улыбнулась. — Нищие систематически выжигают леса, а также синтезируют бочками нефть и выливают ее в бухту Миражей.

— И не уговаривайте, — сказал Илья. — Пандемию врачи остановят. В любом случае. А вот Рай — загадка. Откуда такое дикое явление в наш век?

Глайдер, повинуясь программе, нырнул вниз и вскоре мягко приземлился на берегу океана. За светлой рощицей промелькнуло несколько десятков разноцветных модулей, стандартный блок снабжения.

Предводитель Нищих стоял на цинковке перед домом в позе сиршасаны.

«Пятое положение, — отметил Илья, который неплохо знал хатха-йогу. — Подождем. На голове долго не прстоишь».

Он огляделся. Рай ничем не отличался от обычных поселений землян, разве что спортивным городком со многими неизвестными Илье снарядами да громадным панно у площади Зрелищ. На черном фоне сплетались, будто черви, бледные, изможденные тела. Красные блики, по-видимому, должны были передавать вакхическую раскрепощенность, безумство экстаза, охватившее их. Однако издали пурпурные мазки казались языками адского пламени.

Ефремов пожал плечами. Если предел мечтаний Нищих — эти скотские позы, то они не так уж и опасны.

— Опять гость, — слышался за спиной хрипловатый голос. — И опять непрощеный.

Франц, которого Илья сразу узнал по короткой стрижке, обнажавшей уши, и по рваному шраму на подбородке, уже стоял на ногах и без всякого интереса разглядывал Садовника.

— Чем обязан? — на старинный манер спросил предводитель. — Учтите: всех, кто вмешивается в нашу жизнь, мы выщвыриваем из Рая. Проповедники и моралисты нам не нужны.

— Но на планете сейчас пандемия, — холодно ответил Садовник. — Мы обязаны проверить ее источники. Существует версия, что именно Рай каким-то образом нарушает экобаланс планеты. Отсюда защитная реакция Ненаглядной, которая реализуется в виде цунами, землетрясений, пандемии.

— Бред! — грубо прервал его речь предводитель Нищих. — Болезненные фантазии, которые, по всей видимости, вами и рождены.

— Это не меняет дела. — В душе Илья заворчалось глухое раздражение. — Это не обвинение, а предположение. Я обязан его проверить.

— Проверяйте! — Франц издевательски поклонился. — У нас все на виду. Нам нечего скрывать. Все мои люди соблю-

дают санитарные нормы. Это, кстати, уже сто раз проверяли. Мы даже не охотимся, а любительская ловля рыбы здесь, как вам известно, разрешена.

— А мор птиц, который произошел полгода назад? — спросил Илья.

— Я не зоолог, — огрызнулся Франц. — Мор распространился на все континенты. И дураку понятно, что местные причины ни при чем. Хотя там, у вас, в Южной Пальмире, птицы, конечно, переходили от скуки. Глядя на ваших отдыхающих...

Предводитель набросил на голый торс комбинезон на застежке, и на нем тотчас проявились «живые картинки», которые отображали эмоциональный настрой хозяина вещи. Настрой у Франца был суровый: на плечах его свернулась анаконда с безобразно раздутым брюхом, в котором еще шевелилась жертва.

«Бессмертные звезды! — мысленно воскликнул Садовник. — Какое множество путей и проявлений у прогресса и поиска. И как одинаков и страшен вид распада и деградации...»

Он подивился абсолютно прозрачному модулю предводителя. Не так жилищу, как бумажным книгам прошлых веков, которые в беспорядке стояли на самодельных полках.

— У нас все на виду, — с непонятной гордостью повторил Франц. — Кто хочет, ходит даже нагишом. И никаких проблем.

— Ну, этим не удивишь, — засмеялся Илья. — Это матушка Земля уже знавала. Впрочем, как и все остальное, чем вы себя пытаетесь выделиться.

— Все вторично, — меланхолично согласился предводитель и остановился. — Вот утилизатор отходов, уборочные автоматы. Хотите убедиться, что они работают? А вот и датчики контроля среды. Посмотрите их записи.

— Не надо.

Илья уже понял: версия о нарушении Нищими экобаланса планеты не выдерживает критики. Их слишком мало. Да и санитарно-гигиенические навыки у современного человека доведены до автоматизма... Не то! Но почему же его не покидает тревога, чувство скрытой угрозы, исходящей от Рая и его обитателей? Откуда эта внутренняя уверенность, что беда родом именно из Рая?

— Нет, я вам все покажу! Все закоулки. — В тоне Франца появилась решительность. — Мне надоели бесконечные обвинения и подозрения. То, что мы живем свободно, не повод считать нас дегенератами или прокаженными.

— Но ведь отчасти оно так и есть, — возразил Илья. — Отказ от любого труда, и прежде всего умственного, неизбежно приводит к деградации личности. Помните: «Душа обязана трудиться...»

— Только не надо цитат, — брезгливо поморщился предводитель. — За тысячелетия создано бесконечное множество культурных ценностей. Мы их охотно потребляем. Это тоже труд. Кстати, разве риск даст душе задремать? Посмотрите на моих парней. Вон те, например, сами придумали себе испытание.

На берегу, на камнях и прямо на песке, сидело человек

тридцать зрителей. Немного дальше несколько юношей лениво складывали из сушняка костер.

Красный глассер только замедлял ход возле импровизированной пристани: оcherдной воднолыжник перехватывал буксирный трос, и глассер устремлялся к узкому проходу в рифах. Резкий взлет с трамплина — над оскаленными клыками скал, мессивом пены, гневными волнами, — крик восторга на берегу, и катер, подобрав счастливого, поворачивал за новым искателем острых ощущений.

— Камикадзе? — Илья насмешливо посмотрел на Франца. — А тех, кто разобьется, как я понимаю, на костер?

— Через час стемнеет — начнутся игрища, — нехотя ответил предводитель Нищих, наблюдая, как курчавый высокий парень, по-видимому, мулат, выходит на трамплин. — Риф — это самовыражение. Вам не понять, Садовник. Им хочется играть со смертью. От этого жизнь приобретает хоть какой-нибудь смысл.

Обнаженная девица, которая лежала неподалеку от воды, украсив себя гирляндой из водорослей, вдруг испуганно взвизгнула, вскочила на ноги.

Мулат, наверное, чересчур сильно оттолкнулся от трамплина. Смуглое тело взвилось свечкой над рифом, несчастный взмахнул руками, словно хотел удержаться за воздух, и рухнул на камни.

Глассер, будто ничего и не произошло, повернул к берегу.

— Вам не понять, — повторил Франц. — Он разбился, но перед тем славно пожил. Он не смотрел под ноги...

— Бросьте свою дешевую философию! — Илья яростно повернулся к предводителю. — Вы что здесь — в животных превратились? Почему никто не окажет пострадавшему помощь?

— Практически бесполезно, мой ангел, — хохотнул загорелый, абсолютно лысый человек неопределенного возраста, который уже минут десять слонялся вокруг них. — Уже проверено... Мозги не камень.

Ефремов с омерзением глянул на его улыбающееся лицо, наркотически блестящие глаза.

— Я сам сейчас вызову санитарный гравилет, — бледнея от гнева, заявил он. — Вы в самом деле выродки! Я потребую от администрации Ненаглядной уничтожить ваше змеиное гнездо.

Франц сплюнул, подмигнул лысому:

— Инспектор сердится. Слетай-ка, Нико, вылови брата нашего, познавшего наконец полную свободу.

Сжав зубы, Садовник смотрел, как Нико завис над рифом в двухместном гравилете, неуклюже втащил безжизненное тело в кабину...

— А где ваш предшественник? — поинтересовался предводитель. Анаконда на его комбинезоне подняла голову и плотно уставилась на Садовника. — Он был поделикатнее. Передайте, что вы нам не по нутру. Пусть прилетает он.

— Он умер, — коротко ответил Илья.

«Здесь нечего больше делать, — подумал он, направляясь к вечерней роще. — Жаль, что Антуан и его предшественники так благодушно относились к Раю. Здесь все гниет и разла-

гается. В таких случаях необходимо хирургическое вмешательство...»

Глайдер приветливо помаргивал габаритными огнями. Пока Илья шел к нему, ветер растащил тучи и над бухтой запылали звезды. Здесь они были гораздо крупнее, чем на Земле, а более далекие, принадлежащие галактическому ядру, мерцали как пыль. В серебристом половодье засверкали океан и деревья, тень и блеск обрела каждая песчинка.

Илья забрел в теплую воду и стал песком оттирать руки. Ощущение, словно он целый день копался в нечистотах, понемногу проходило.

Он зашел поглубже, где была чистая вода, умылся и повернулся к ветру, чтобы лицо высохло. Звучи ритмизатора сюда не долетали, но отблески огромного костра Нищих время от времени просвечивали рошу суетным и каким-то больным светом.

«Мы уничтожим ваш мерзкий Рай, — с брезгливой ненавистью подумал он. — Не силой, нет. Мы просто поселим рядом с вами нормальных людей. Которые будут жить и радоваться, рождать детей и работать...»

Свет звезд словно бы охлаждал разгоряченную душу. Ядро галактики от незримых воздушных токов, казалось, тихонько кипело, переливалось в океан, создавая иллюзию единения земли и неба.

«Мы в самом деле мало смотрим на звезды, — подумал Илья, вспомнив высказывание Канта. — И, наверное, реже, чем следовало бы, заглядываем в свою душу. Ведь в идеале моральный внутренний закон в человеке суть отражение всего мироздания. Как только мы перестаем удивляться, паутинка, связывающая душу и вечность, рвется. А ведь так просто: запрокинуть голову и постоять минуту-другую... Где же ты, паутинка родства и всемирной симпатии? Где ты, тонкая?»

Он разглядел лучик незнакомой голубой звезды.

«Да вот же она, чудак, — улыбнулся Илья. — Она вовсе и не исчезла. Связь видоизменилась, но была. Иначе мы бы все умерли. Даже не так. Иначе мы были бы просто материей. Неживой! Ненужной пылью... Прахом».

ЭХО НЕВЕДОМОЙ ВОЛИ

То, что выходит за пределы привычных представлений, всегда выглядит странно и пугает даже просвещенный разум.

Далеко за полночь вдоль берега притихшего океана миллионами окон сверкал бодрствующий Золотой Пояс. Бесконечный город уже четвертую ночь не спал.

На кольцевой лоджии возле декоративного пруда сидели академик Янин, его маленькая помощница — экзобиолог Этери и троица экспертов-Садовников.

Этери время от времени подсыпала в пруд корм. Золотистые рыбки церемонно собирались к лоджии, а одна, большая и толстая, подплывала почти вплотную, смотрела на людей и беззвучно шевелила губами.

— Вот вам традиционная модель непонимания, — пробасил

Янин, указывая на рыбку. — Только роли меняются. То мы в роли рыбки, то чей-то мир.

— Вы хотите сказать, что в каждой конкретной ситуации есть сторона говорящая и сторона слушающая? — спросил Славик. — Тогда мы плохие слушатели и вовсе разучились понимать язык аллегорий.

— Вы не совсем правы, — покачал головой Янин. — Все происходящее на планете можно, конечно, перевести в энергичную форму требования: «Люди, убирайтесь!» Но перевод может быть и другой. Совершенно другой. Если бы нас просто прогнали, то это, наверное, происходило бы конкретней и методичней. Скажем, каждый день по цунами. А так... Нас или дразнят, или... — академик пожм плечами, — испытывают... Обратите внимание, друзья! Как только мы начинаем реагировать на «выходки» Ненаглядной, она тут же меняет тактику. Развернули борьбу с лейкемией — пандемия резко пошла на убыль, начали волновую передачу энергии — «пряжа небытия», погубившая Скворцова, исчезла, Славик смог превозмочь приказ чужой воли — и некто или нечто оставило в покое наших несчастных «исполнителей»... Нас все время, мягко говоря, активизируют. Теперь вот повальная бессонница... Зачем?

— Многим даже нравится, — засмеялась Этери. — Современному человеку катастрофически не хватает времени. Даже на отдыхе.

— А у Шевченко другая забота, — заметил Илья. — К нему поступают сотни запросов от тех, чьи отпуска продлила пандемия. Люди устали отдыхать, требуют активных занятий. Кое-что мы, конечно, придумали: восстановительные работы по ликвидации последствий цунами, сто сорок человек послали на фабрику биосинтеза — там кое-что уцелело...

— Рядом с нами, на площади Зрелищ, энтузиасты-философы организовали институт глобальных проблем, — добавил Славик. — Жарятся на солнце и ведут бесконечные дискуссии.

— Это лучше, чем планетарная праздность, — оживился академик и попробовал погладить рыбу. Та поджала губы и, вильнув хвостом, уплыла. — Кстати, снятие карантина — вопрос нескольких дней.

Над бесконечным городом в ночном небе вдруг расцвел фейерверк. Затем разноцветные огни сложились в слова, поплыли вдоль берега: «Мы полюбили! Будьте сегодня нашими гостями! Индекс 14716. Бианка, Чэд».

— Вот это я понимаю, — засмеялся Илья. — Это и есть давление жизни. Ненаглядная, будто старуха ворчунья, нам козни строит, а нас на свадьбу зовут. Пойдемте, друзья?!

— Пойдем, — хором ответили ему.

Возвращались со свадьбы утром. Егор и Этери, переплясавшие за ночь чуть ли не все танцы мира, разулись и, поотстав от компании, брели по мокрому песку. Иногда набегала полусонная волна, разливалась пенным прибоем. Пена тут же таяла, уходила в песок.

— А все-таки к тайне мы не приблизились ни на шаг, — с грустью заметила экзобиолог. — Я знаю, что гипотеза Ефремо-

ва — Висвалдиса специалистами опровергнута. Но ведь других объяснений происходящего попросту нет.

— Я неплохой интуитист, — сказал Егор, переступая через очередную гирлянду светящихся подводных цветов. — По крайней мере, специализировался раньше, да и здесь пробовал... Странное дело: на Ненаглядной все время получается зеркальный эффект. Я чувствую опасность, но вижу... себя или друзей. Значит, причину все-таки надо искать в нас самих... Экологическая несовместимость, о которой все толковали, — самое простое... Может, есть более высокие уровни общения с мирами, влияния на них? Скажем, эстетический? Наш друг Антуан перед смертью то ли шутил, то ли предупреждал: «Я знаю женщин... Мы ей просто не понравились».

— Это слишком, — улыбнулась Этери. — Отвлеченно и уж очень абстрактно: нравится, не нравится...

— Разумеется, — согласился Егор. — Конкретных загадок чересчур много, чтобы объяснять их общими суждениями. Вот еще пример таковой. С одной стороны, таинственная стерилизация. С другой, заметьте, ни один ребенок от злоключений планеты не пострадал, в том числе и от пандемии... Одно знаю наверняка: после «принудительной побудки» у меня напрочь пропало ощущение опасности. По-видимому, все же что-то сдвинулось, изменилось. В лучшую сторону, разумеется.

— Как вы сказали? — засмеялась Этери и нарасспел повторила: — При-ну-дительная побудка?.. Но зачем? Зачем нас будить кому бы там ни было?

Егор хотел ответить сакраментальным «не знаю», однако его внимание привлекла непривычно молчаливая толпа, собравшаяся возле одной из прогулочных яхт. Недавний прилив оставил ее на песке шагах в тридцати от воды.

Янин, Илья и Славик, которые шли впереди, тоже остановились.

От толпы отделился парень в олимпийском тренировочном костюме, подошел к ним.

— Среди вас нет врача? — спросил он. — Там с девчонкой неладно.

— Что произошло? — Илья выступил вперед.

— Не знаем. — Парень пожал плечами. — Мы с утра работали, молодежно-спортивный лагерь. Берег убирали. Вдруг наши девочки зовут: посмотрите, мол, что с ней... Ее, кажется, Таней зовут или Геленой. Она из местных...

Илья поспешил к яхте. Еще издали он услышал негромкий, срывающийся голосок, который возвысился на слове «торопитесь» и оборвался.

— Пропустите врача, — сказал кто-то из толпы, кажется, все тот же парень-спортсмен.

Девушка держалась за борт яхты, неудобно вывернув руки и изогнув спину. Голова ее запрокинулась, серебристо-черные волосы рассыпались, глаза были полуприкрыты.

«Сумеречное состояние, — сразу определил Илья. — Она в оцепенении, ничего не чувствует».

— Давно в трансе? — спросил он окружающих.

— Полчаса, не больше, — ответила пожилая женщина с гордым и тонким лицом. На ней тоже был олимпийский костюм. —

Помогала моим девочкам сжигать сухие водоросли. Затем отошла в сторонку... Ей сделалось плохо... Теперь вот прорицает...

Девушка вдруг снова вздрогнула, выпрямилась, будто тело ее испытало нечто вроде удара тока, заговорила:

— Не останавливайтесь! Торопитесь! Остановка — смерть! Без вас невозможно...

Слова вновь объявившейся пифии то и дело рвались, пропадали, еще и не успев родиться, будто неведомая воля, завладевшая девушкой, не находила нужных понятий. Она скорее всего продуцировала некую общую мысль, а сознание перпацентки искало уже словесное выражение.

— Вы должны измениться! — Голос девушки опять возвысился. — От вас исходит болезнь! Торопитесь! Без вас невозможно...

Она замолчала, безжизненно поникла.

С тихим свистом над толпой спикировал санитарный гравилет. Илью отстранили. Рослый негроид в белом комбинезоне неувовимо быстрыми движениями пальцев снял напряжение с оцепеневших мускулов девушки, подхватил ее тело на руки.

— Имеем новое действие, — вздохнул Янин, когда они подошли к административному центру. — Увы, оно только умножило загадки. Нам втолковывают: от человека исходит какая-то «болезнь». Но что значит слова пифии: «Вы должны измениться?» Как? В чем? Зачем и куда нам советуют торопиться?

Он махнул рукой, проворчал, обращаясь к Илье:

— Пойду к Шевченко. Покажу ему запись этого пророчания. Вы на всякий случай узнайте: не было ли других пифий и что предсказывали они.

Кто-то бежал коридором.

Илья прогнал остатки сна, прикинул: вот человек пробежал мимо зала общений, комнаты Егора, рубки ментосвязи... Что такое? Куда подевался грохот тяжелой обуви? И вообще — что за спешка?

Он направился к двери — та спряталась в стену, будто растворилась.

На белом ворсе коврового покрытия лежал Франц. В своем размалеванном «живыми сюжетами» комбинезоне, разорванном на груди и плече, болотных сапогах. Дикий и страшный, весь в грязи, тине, какой-то сизой паутине. Лицо его заросло щетиной, глаза лихорадочно блестели. Анаконда на комбинезоне пожирала саму себя.

— Не подходи! — прохрипел предводитель Нищих. — Ты тоже можешь попасть... Не знаю, как назвать это. Неважно, — бормотал он. — Неважно, как называть, но я в фокусе... Не подходи, говорю!.. Сломался чертов гравилет, я спешил, чтобы успеть — менял образ мыслей, играл, ускользал. Она чересчур большая, ей тяжело поймать такую малость. Но снизошла, я чувствую, снизошла, выследила. — Франц то ли заплакал, то ли засмеялся. — Ко мне снизошла, червь ничтожному, чтобы раздавить.

— Что с тобой, брат? — Илья поспешно вызвал медцентр.

— Только не подходи. — Франц застонал, судорожно вцепил-

ся в белый ворс. — Ты был прав, мы чумные. Все! Вся Ненаглядная! Особенно Нищие. Мы страшнее чумы... Дня три назад у меня были видения, а вчера меня нащупали... Я уничтожил Рай, Садовник! Сам! Разогнал ребят! Заставь их что-нибудь делать. Обязательно! Немедленно! Иначе — смерть. Всем Нищим... И вам, если...

Он задыхался. Илья вдруг с ужасом понял, что белая паутина — это «пряжа небытия», которая съела, рассосала, разматала на атомы Колю, Николая Скворцова, Скворушку...

— Кто она? Планета? — прокричал Ефремов, наклоняясь над предводителем Нищих. — О чем ты говоришь?

— Она на улице, смотрит... — пробормотал Франц. — Она здесь. Везде, во всем. Главное — думайте. Все время думайте, не давайте людям спать. Рассредоточьте их и дайте им дело! Интересное! Много дела. Убейте праздность!

Тело его стекленело, превращалось в подобие медузы, но что-то там еще жило, может, только голос.

— Я случайно вычитал... И все понял. Только там, в книге, не так. На самом деле все наоборот. Она должна меняться, жить... Она должна развиваться. Суть в движении, а не в равновесии. Равновесие — это смерть. Она с ним борется уже миллиарды лет... Ее зовут Вселенная!

Только теперь Ефремов увидел: в двух шагах от умирающего на полу валялась старинная книга — зачитанная, ветхая, с выпавшими страницами. Видно, Франц уронил, когда падал.

Коридором уже бежали люди.

— Не трогайте его, — сказал Илья, поднимая один из листов, испещренный пометками и вопросительными знаками. — Поздно. Отойдите все.

Франц засиял. Он исходил светом, будто стал нитью накаливания, в которую вошел неведомой силы ток. Пахло жаром.

Илья отступил к стене, одним взглядом схватил глазами текст:

«...Если бы существовал только закон неубывания энтропии, подарился бы хаос. Но, с другой стороны, если бы существовал или хотя бы возобладал только непрерывно совершенствующийся и всемогущий разум, структура мироздания тоже нарушилась бы. Это, конечно, не означало бы, что мироздание стало хуже или лучше, оно бы просто стало другим, ибо у непрерывно развивающегося разума может быть только одна цель: изменение природы Природы. Поэтому сама суть «закона Вечеровского» состоит в поддержании равновесия между возрастанием энтропии и развитием разума. Поэтому нет и не может быть сверхцивилизаций, ибо под сверхцивилизацией мы подразумеваем именно разум, развившийся до такой степени, что он уже преодолевает закон неубывания энтропии в космических масштабах. И то, что происходит сейчас с нами, есть не что иное, как первые реакции Мироздания на угрозу превращения человечества в сверхцивилизацию. Мироздание защищается».

«Вот оно что! — подумал Илья, не обращая внимания на расспросы, возгласы, толчею людей в коридоре, который вдруг стал тесным. — Какая там Ненаглядная — бери выше. А ведь Франц прав. Вселенная не боится разума! Это дитя ее, любимое, редчайшее в пространстве и времени, необходимое для

продолжения рода Вселенных. Не может она душисть свое дитя ни под каким предлогом. Напротив. Ей враждебна энтропия духа. Сон разума, праздность ума хуже болезни... Ненаглядная, планета-курорт, превратилась в болото, в котором застоялся разум. Со стороны это выглядело как обширный очаг энтропии, точнее, будто «черная дыра», всасывающая животворную энергию мысли... Да, Вселенная стала защищаться, будить нас, воздвигать препятствия и опасности. Неосторожно, грубо будила, не по-людски? Согласен. Как умела... Один Рай чего стоил: бездуховность, лень, покой, ожирение души, а там уже полшага до деградации и вырождения разума. Драгоценного разума, который, конечно же, родит сверхцивилизации — мы еще малое дитя, долго расти! — ибо природа Природы не может не изменяться. Не может — и точка».

Пошатываясь от нахлынувшей вдруг усталости, Ефремов осторожно обошел выжженное в ковре пятно. — «Эх, Франц, предводитель... Вот твой след — дырка, ничто!» — И вышел во двор.

За Большим коралловым рифом по-прежнему гремели и ярились волны. А над головой Ильи собрались на вече звезды — страшно далекие, но, оказывается, неравнодушные даже к такой малости, как один-единственный человек на берегу океана.
